И.Е.Кознова,
кандидат исторических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ[1]

Память служит ярким примером обращения ко времени в поиске ответов на актуальные вопросы современности. Она относится к числу тех феноменов, интерес к которым на протяжении последних полутора столетий неизменно растет. Действительно, получив мощный импульс на рубеже XIX–XX вв., интеллектуальная традиция осмысления и описания памяти не ослабла и поныне. Достаточно упомянуть А.Бергсона, М.Хальбвакса, Н.Бердяева, К.Юнга, М.Блока, М.Бахтина, Ю.Лотмана, П.Нора и др.[2]

Тема памяти состоялась как одна из «тем XX века», отразив в себе историческое движение обществ и развитие научного дискурса. Уже то, что память (впрочем, наряду со своим «двойником» – забвением) оказалась в центре исторической практики и интеллектуальных интересов, свидетельствует о многом.

Возникнув вначале как тема модерна, отразив противоречия «человеческого измерения» индустриальной цивилизации («сознательная деятельность индивидов – бессознательная деятельность толпы»), память оказалась весьма плодотворной для объяснения поведения индивидов и масс. Она рассматривалась как способность индивидуального сознания и бессознательного (А.Бергсон, З.Фрейд). Наметившийся еще в XIX в. интерес к коллективным представлениям (Э.Дюркгейм), коллективной психологии (Г.Лебон,

[1] В основу статьи положены материалы, подготовленные автором в ходе работы над проектом, поддержанным Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) (№ 02-03-18288а)

[2] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб.,1994; *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. М., 2001 С. 176–198; *Assmann J.* Das kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in frihen Hochkulturen. Münich, 1992; *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la memoire. P., 1925; Historical Perspectives on Memory. Helsinki, 1999; *Goff J. Le.* Geschichte und Gedachtnis / Aus dem Franz, von Hartfelder. Frankfurt a I.; N. Y.; P., 1992; Les liuex de memoire. Sous la direction de Pierre Nora. 7 vols. P., 1984–1992; *Nerone J.* Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 89–104; *Rusen J.* Die Zukunft der Vergangenheit // Idem. Zerbrechende Zeit. Uber den Sinn der Geschichte. Cologne, 2001; Russia at a Crossroads. History, Memory and Political Practice. L.; Portland, 1998.

Г.Тард) соединился в XX в. с исследованиями в области памяти. Память оказалась в центре внимания психологии (З.Фрейд, К.Юнг, В.Бехтерев, Л.Выгодский, А.Леонтьев), социальных наук (М.Хальбвакс, П.Жане, Н.Бердяев, Р.Барт, К.Беккер) уже с точки зрения коллективного, а также связи индивидуального и коллективного.

Вторая половина прошлого столетия была отмечена повышенным интересом к памяти. Исторический контекст дискурса памяти в постмодернистском звучании был отмечен тем, что в западном обществе в одних случаях ощущался признак «ухода» памяти или ее потери (П.Нора), в других же говорилось о приобретении памятью в постсовременном обществе еще большей значимости, чем в традиционном (Д.Нерон). В настоящее время акцент делается на том, что память представляет собой одновременно универсальную ценность, выявляющую в себе разнонаправленность и различие (Й.Рюзен)

В России эта проблема стала особенно актуальной со второй половины 80-х годов, когда общество стремилось буквально «насытить» историческую память и осмыслить свой исторический путь. При этом можно отметить болезненность восприятия прошлого массовым сознанием[1]. В последующее десятилетие своеобразие культурно-духовной атмосферы заключалось в том, что восстановление «искаженной» памяти привело к поиску идентичности, к ностальгии по «ненаписанной истории» и «непройденному прошлому»[2].

Так или иначе, дискурс памяти возникает, когда каждая общность или каждое общество в определенный момент, в «свое» время переживают состояние «разрыва» с прошлым. Вместе с тем, если модерн не только демонстрировал разрыв с традицией, но и реально порывал с ней, то постмодерн пытается преодолеть этот разрыв. Поэтому причина повышенного интереса к памяти видится, в частности, в том, что память теряется, уходит, а человечество пытается ее сохранить.

Однако если для западной гуманитарной науки тема памяти в XX в. является «сквозной», а к началу нынешнего столетия если не исчерпанной, то, по крайней мере, «старой» (исследовательский «пик», особенно прикладного характера, падает на 70–80-е годы), то для отечественной науки проблема конкретных исследований по-прежнему «свежа». Более того, она сохраняет свою актуаль-

[1] См.: Историческая память обновляющегося общества // Коммунист. 1990. № 18. С. 50–72.

[2] См.: *Гузенкова Т.С.* Ностальгия по ненаписанной истории // Свободная мысль. 1997. № 3. С. 35–45; «Каким быть современному школьному учебнику по отечественной истории XX века?» Круглый стол // Отечественная история. 2002. № 3. С. 5–30.

ность, поскольку сохраняется большая практическая потребность в изучении современных стратегий разных групп российского общества, в формировании которых память занимает не последнее место. Кроме того, тенденция преодоления «тоталитарного синдрома» при анализе проблем советского общества, утверждения о его исключительности и аномальности не в последнюю очередь связаны с изменением ракурса рассмотрения многих традиционных для исторической науки проблем, объединенных понятиями «власть и народ», «власть и общество», введением в научный оборот новых типов источников и методов их анализа. В этом ряду находится и тема памяти, позволяющая в новом ключе интерпретировать проблему «человек в истории». Исследователи отмечают, что при нынешнем уровне знаний уже невозможно игнорировать тему социальной и исторической памяти[1].

В литературе сформировались понятия «тип памяти» (биологическая, социальная, искусственная), «уровень памяти» (коллективный и индивидуальный).

Все исследования в области социальной памяти сосредоточены на нескольких задачах. Наиболее общая – определение памяти, причем исследователи сходятся во мнении, что единое определение в качестве «рабочего» возможно, но в целом малопродуктивно. Далее следует назвать изучение специфики памяти для различных событий или исторических периодов. И, наконец, влияние памяти на социальную, политическую и культурную практику.

Спектр определений памяти весьма широк: она рассматривается как «чувство прошлого» (Р.Джонсон), «диалог, процесс создания значений», «сохранение прошлого в настоящем» (П.Нора), «символическое представление о традиции и о прошлом, возникающее в контексте социальных действий» (Д.Нерон). В отечественной гуманитарной мысли акцент делается на понимании культуры как внегенетической памяти человечества (Д.Лихачев, Ю.Лотман).

В целом память – это передаваемая различными способами и закрепленная информация о прошлом, знания и опыт, причем эмоционально окрашенный опыт, особая культурная конструкция. Для нас имеет значение то обстоятельство, что память общества находится вне индивидуального уровня; независимо от того, коллективная память или индивидуальная – она избирательна.

Совокупность знаний и опыта имеет относительную устойчивость и передается на протяжении нескольких поколений. Этот опыт должен иметь социальное значение для общества. В свое время

[1] См.: Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001. С. 69–115.

М.Хальбваксу принадлежала мысль, что память прежде всего социальна и социально-образующа[1]. Социальность ее выражена в том, что память – символическое представление о прошлом, о традиции, возникающее в контексте социальных действий[2]. Перефразируя П.Бурдье, можно сказать, что память – это символическая борьба по поводу восприятия социального мира[3]. Социальная память – не столько воспоминание о прошлом, сколько процесс конструирования прошлого (в том числе посредством воспоминаний), воображаемое прошлое. Образ жизни – это тоже память. Иными словами, память – символическое представление о прошлом. Следовательно, память одновременно и настоящее.

Историческая и социальная память имеют определенные различия. В исторической памяти сильнее выражен ретроспективный аспект, это осознание своего места в историческом времени и пространстве. При этом исследователи подчеркивают, во-первых, относительную устойчивость сохраняемых на протяжении двух или трех поколений знаний и представлений о коллективном прошлом своего социума; во-вторых, историческую актуальность и общественную ценность прошлого, выраженного памятью (то есть определенным образом сфокусированное историческое сознание); в-третьих, ее фрагментарность и избирательность. Отмечается многозначность, многоплановость памяти и ее амбивалентность. На основе исторических представлений формируется и развивается национальное самосознание. Вместе с тем термин «историческая память» (а не «социальная память») более распространен и чаще используется при описании специфики массового сознания[4].

Память служит основой исторического сознания, которое, в свою очередь, является частью общественного сознания. Историческое

---

[1] См.: *Роговин М.С.* Философские проблемы теории памяти. М.,1966. С. 155–156.

[2] *Nerone J.* Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 89–104

[3] *Бурдье П.* Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. С. 192–194, 199–200.

[4] См.: «Круглый стол»: Историческая память населения России: состояние, тенденции развития // Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. 2002. № 1–2. С. 6–7, 12–13, 21–22, 31, 36–37, 48–49, 50–51, 57, 64, 68, 75; *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14; *Репина Л.П.* Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 5–7; Восточная Европа в древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения: Материалы конференции. М., 2000. С. 3–4, 10–14.

сознание включает прежде всего знание истории, обобщение исторического опыта, уроков истории; оно предполагает выражение отношения к событиям, историческому процессу, оценку фактов, определенные убеждения. Историческое сознание, как и память, совмещает все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее, будущее. И хотя историческое сознание отдельных людей и общества само представляет причудливое переплетение научных знаний, наивных представлений, порожденных конъюнктурой оценок и традиций предшествующих поколений, именно память придает колорит историческому сознанию. Память гораздо свободнее в отношении этих трех модусов, для нее ее собственная историчность не столь важна, в ней одновременно существуют на равных все времена, собственная система иерархии.

Принципиальным для понимания памяти является то, что прошлое организовано с ее помощью по-разному в разных культурах. Память культурно специфична и транслирует культурные способы мышления и опыта, ценности, чувства и т. д. В этом смысле заявление, что люди помнят «неправильные вещи» и реконструируют прошлое некорректно, фактически абсурдно: даже в том случае, когда люди лгут или выдумывают истории, они делают это в соответствии с обстоятельствами своей культуры[1].

При историческом изучении памяти следует видеть различие между обществами с преимущественно устной памятью и с преимущественно письменной памятью. Существуют, по крайней мере, две формы памяти – архаическая, то есть память традиционного общества, и память современного общества (ее иногда определяют как модерн-память). Черты обеих форм памяти обнаруживаются как в прошлом, так и в настоящем – в памяти общества, группы, отдельного человека, и все же можно вести речь о преобладании во времени и пространстве той или иной формы памяти.

Так, архаическая память (память традиционного общества) прежде всего коллективна. У нее нет ярко выраженного начала и конца, она спонтанна. Здесь действует круговое время, прошлое, по сути, неизменно, священно. Она репродуктивна, это нерефлексирующая память-обычай. В своей основе она устная и ритуальная. Это «память-привычка тела», которая выражает себя в жестах, умениях и навыках.

Современная память субъективна, основана на индивидуальном восприятии, связана с индивидуальной биографией, которая отражает социальную мобильность. Это память воспоминания, рекон-

[1] См.: *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего / Пер. с англ. М.,1997. С. 75–86.

струкции, продолжения, но не повторения. Современная память чаще всего намеренна и специально организована. Она преимущественно письменная, документально подтвержденная.

Если в первом случае «институтами» памяти являются традиции и обычаи, то во втором – архивы, музеи и т. п. При этом архаическая память не свободна от попыток манипулирования ею, а современная память находит свое не менее яркое выражение в коллективной памяти. Обе памяти несут печать мифологизации и «многослойности», возможных напластований памяти.

Механизм «преодоления» прошлого у современной, то есть модерн-памяти, и традиционной различаются. У традиционной памяти – это универсальный механизм ритуала, когда прошлое «преодолевается» действием, воспроизведением в настоящем и будущем, а также «проговариванием». С современной памятью дело обстоит иначе: прошлое «преодолевается» посредством прописывания, продумывания, хотя «проговаривание» тоже не может быть исключено.

Социальная память прежде всего имеет дело с поведенческими стереотипами людей. Они определяются культурно-историческими факторами, закреплены в памяти. Если говорить о России, то это традиционная ментальность. Она имеет аграрные корни, но сохраняется и в городской среде, до сих пор во многом ритуализированной. Поэтому до сих пор сильно влияние характерных для традиционных обществ «моральной экономики» и «этики выживания», то есть апробированных временем социальных приемов «жизни вместе», которые обеспечивают право каждого на жизнь на основе наличных ресурсов, а также взаимопомощь, поддержку, разделение труда, некоторые социальные ограничения. Преобладает (если пользоваться терминологией М.Вебера) «ценностно-рациональный», а не «целе-рациональный» тип личности.

В рамках общества существуют разные ритмы памяти (например, память сельского сообщества и городского имеют несомненные различия). В спокойном и возбужденном состоянии общества способы функционирования памяти разные. Как свидетельствует исторический опыт, в критические моменты социального развития, в период больших общественных потрясений возрастает интерес к историческому прошлому. В подобных ситуациях заметно обостряется самосознание, основой формирования и развития которого служит память. В свою очередь, каждая эпоха оставляет в памяти свой след: одна – слабый и поверхностный, другая – сильный и глубокий. Замечено, что бурные эпохи оставляют в памяти людей более яркий след, чем мирные и спокойные времена. По словам М.Блока, «мирная преемственность социального существования менее бла-

гоприятна для передачи памяти»[1]. Применимо ли это наблюдение к России? Только конкретные исследования могут дать ответ на этот вопрос. Предварительно же можно отметить, что в традиционных аграрных (крестьянских) сообществах мы наблюдаем обратное[2].

Для понимания исторических вариантов памяти важно представление отношений, складывающихся между историей и памятью. Эти отношения наиболее полно были описаны М.Хальбваксом и П.Нора как исторически определенная форма социальных практик. Их основной аргумент заключался в том, что память принадлежит досовременному обществу, где традиция была сильна и память выполняла роль социальной практики, в то время как дисциплина история, возникшая в XIX в., отрицала традицию[3]. По мнению П.Нора, общество, живущее всецело под знаком истории, вынуждено отмечать определенные места, les leieux de memoire – «места памяти» и воплощаться в них для закрепления памяти и укоренения в ней. Поскольку традиция памяти исчезает, общество чувствует себя обязанным сохранять и собирать свидетельства[4]. «Места памяти» могут быть историческими или легендарными, но они всегда, как и память, священны. Появление «мест памяти» означает, что огромный фундамент памяти разрушается (более того, по мнению П.Нора, в целом цель и амбиция истории не возвеличить, но уничтожить память). Важно, что «места памяти» – это специально организованная память. Возможно, если памяти, которые «места» защищают, существовали бы свободно, эти «места» были бы не нужны. Но они есть, поскольку существует угроза разрушения памяти. Тем самым поддерживается и чувство продолжения истории. В конечном счете Нора пришел к полемичному выводу, смысл которого состоит в том, что сама память становится «местом памяти».

Хотя идея вытеснения историей памяти как социальной практики вызвала возражение, тем не менее в западной литературе отмечалось, что точность, стандарты отбора и использования документов, внимание к исторически значимым свидетельствам определяли стремление возвысить профессиональную историю над социальной памятью как путь публично предлагаемого прошлого. Профессиональная практика способствовала отчуждению истории от социальной или народной памяти, которая была отнесена к мифологии.

---

[1] *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1993. С. 73.

[2] См.: *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992.

[3] См. об этом также: *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

[4] *Nora P.* Between Memory and History: Les Leiux de Memoire // History and Memory in African-American Culture. N. Y.; Oxford, 1994. P. 7–8, 289.

Вместе с тем память по-прежнему остается таким же важным феноменом в современных обществах, как и в традиционных, в обществах как устной, так и письменной культуры, хотя в связи с урбанизацией некоторые социальные практики отсутствуют или утеряны.

У народа и власти всегда существовали собственные механизмы памяти. И хотя народная память – это то, что живет рядом и параллельно с официальной памятью, задаваемой властью, она не может избежать влияния этой власти или конфликта с ней. Кроме того, например П.Бурдье, задается вопросом: является ли действительно «народным» все то, что люди обычно обозначают как «народ»? А все то, что произнесено «настоящим народом», является ли «настоящей народной» правдой?[1] В современных исследованиях проблеме взаимодействия официальной идеологии и низовых народных практик, в том числе в ракурсе исторической памяти, уделяется все большее внимание[2].

В целом каждое общество создает воображаемое прошлое для настоящего. Фактически создание «мест памяти» можно рассматривать как изобретение традиций[3] – стихийных или организованных. С одной стороны, существует сильное просветительское течение, позволяющее обществу «обрести» свое прошлое и память о нем. С другой – коммерциализация коснулась и коллективной памяти (или даже растущего числа коллективных памятей), превращая прошлое в товар массового потребления.

И все же коллективная историческая память – результат некоторого компромисса между обществом и властью, улавливающей интенции массового сознания. Общество стремится построить консенсусное представление о своем прошлом. В то же время прошлое постоянно пересматривается профессиональными историками как экспертами, происходит его «пересемантизация». Вместе с тем, поскольку социальная память (памяти) часто меняется, особенно в периоды катаклизмов, являясь в равной степени продуктом консенсуса и конфликта, существование профессиональных памятей, разведенных от социальных памятей, создают условия для стабильности и в то же время могут нейтрализовать «неистовые» социальные памяти[4].

---

[1] *Бурдье П.* Указ. соч. С. 227–229.

[2] См.: *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М.,1998; *Резинко Д.Б.* Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ). Дисс... канд. филос. наук. М., 2002 и др.

[3] Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2000. С. 10–14; The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

[4] *Nerone J.* Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 103.

Историческая память населения России представляет собой комплекс устойчивых представлений[1]. Думается, что в основной своей части этот комплекс сформировался главным образом в XX столетии (пожалуй, за исключением того, что связано с образами монархов и полководцев). Специфика низовой, народной памяти в России обусловлена глубоким социальным и мировоззренческим переломом – переходом от аграрного общества к городскому. Для понимания ее особенностей важны как ее традиционные аспекты, так и те, которые связаны с массификацией социальных процессов. Речь идет о внутренних и внешних механизмах функционирования памяти, совмещении в ней рационального знания и мифологии. Осмысление социально-политических и культурных трансформаций в контексте народной памяти предполагает рассмотрение социальных представлений на уровне ключевых оппозиций и выявление их постоянства и/или динамики.

Один из важных аспектов проблемы стихийной/организованной памяти, памяти/забвения – образ власти и образ героя («культурного», народного и т. п.), который, в свою очередь, может быть развернут как образ исторической личности, сохраненный коллективной памятью. Данные опросов, проведенных Социологическим центром РАГС, предоставляют большие возможности для аналитических исследований, что подтверждается уже опубликованными материалами[2].

В развитие темы хотелось бы обратить внимание на несколько положений. Так, наряду с анализом предпочтений массовым сознанием тех или иных исторических личностей, не менее важно изучение «списка отсутствующих». Например, народной памяти совсем не чужд колоритный образ Н.Хрущева. Тем не менее это имя отсутствует в как в формулировке вопросов, так и в вариантах ответов. Между тем сравнение его ранга с рядом стоящими в анкете именами государственных деятелей не лишено познавательного интереса.

Еще одна историческая личность – Степан Разин. Правда, в анкете упоминается Емельян Пугачев, но при этом треть опрошенных не имеет представления о нем, несмотря на школьный курс истории и хрестоматийность «Капитанской дочки». Впрочем, «рейтинг» Ф.Дзер-

---

[1] Об этом свидетельствуют и данные ВЦИОМ См.: *Левинсон А.Г.* Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 252–267.

[2] См.: «Круглый стол»: Историческая память населения России: состояние, тенденции развития // Социология власти: Информационно-аналитический бюллетень. 2002. № 1–2. С. 4–78; *Пихоя Р.Г.* Историческая память: социологическое исследование глазами историка (тезисы выступления) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 201–202; *Тощенко Ж.Т.* Указ. соч.

жинского практически совпадает с пугачевским. Что касается С.Разина и Е.Пугачева, то оба вожака постоянно жили в народной памяти вопреки официальному запрету в дореволюционное время[1]. Как известно, советская власть, особенно в пору своего становления, активно использовала оба образа в идеологических целях, хотя не все было здесь однозначно, поскольку и в народном сознании Разин и Пугачев олицетворяли разные начала, а фольклорный образ Разина был насыщеннее. И если с «рейтингом» Ф.Дзержинского, практически совпадающим с пугачевским, более или менее все ясно, то случай с Пугачевым (а возможно, и с Разиным) – скорее всего свидетельство глубинных сдвигов в народной исторической памяти, связанных с поиском и обретением других культурных ориентиров и символов.

[1] *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 470–476.